



**You have downloaded a document from
RE-BUŚ
repository of the University of Silesia in Katowice**

Title: Precedentnye imena v aspekte hudožestvennogo perevoda

Author: Oksana Małysa

Citation style: Małysa Oksana. (2017). Precedentnye imena v aspekte hudožestvennogo perevoda. W: J. Lubocha-Kruglik, O. Małysa (red.), „Przestrzenie przekładu T. 2”. (S. 41-52). Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.



Uznanie autorstwa - Na tych samych warunkach - Licencja ta pozwala na kopiowanie, zmienianie, rozprowadzanie, przedstawianie i wykonywanie utworu tak długo, jak tylko na utwory zależne będzie udzielana taka sama licencja.



UNIwersYTET ŚLĄSKI
W KATOWICACH



Biblioteka
Uniwersytetu Śląskiego



Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Оксана Малыса

Силезский университет в Катовице

Прецедентные имена в аспекте художественного перевода

Среди теоретических и методологических подходов к изучению ономастического художественных текстов выделяется наряду с прочим переводческий аспект. С этой точки зрения в центре внимания исследователей находятся различные виды онимов и их перевод на другие языки в отдельных произведениях, в творчестве того или иного художника слова, в текстах разных жанров, литературных направлений либо типов дискурса. Рассмотрению подлежат собственные наименования людей в зависимости от их национальности или принадлежности к определенной общественно-социальной группе, уменьшительно-ласкательные имена, говорящие фамилии и др.¹ Предметом нашего анализа являются прецедентные названия лиц, которые встречаются на страницах книг русских писателей XX и XXI веков, а также их соответствия, предложенные авторами польских переводов.

Этот выбор обусловлен тем, что в художественной литературе вообще и в современной прозе в частности прецедентные антропонимы играют заметную роль. Обращаясь к культурной памяти, они очерчивают круг неоднократно возобновляемых в речи собственных имен, которые реализуют «свой выразительный потенциал не в идентифицирующей, но в харак-

¹ См., к примеру, такие работы, как: J. PIECIUŁ: *Nazwiska żydowskie w powieściach Tomasza Manna i ich przekład na język polski. Na przykładzie powieści „Buddenbrokowie” i „Czarodziejska góra”*. „Onomastica”, R. 48, 2003; J. SZERSZUNOWICZ: *Uwagi o tłumaczeniu włoskich apelatywów odpróprjalnych pochodzenia literackiego na język polski. W: Onimizacja i apelatywizacja*. Red. Z. ABRAMOWICZ, E. BOGDANOWICZ. Białystok 2006; K. HEJWOWSKI: *Nazwy własne w tłumaczeniu*. IDEM: *Iluzje przekładu*. Katowice 2015; Л. САЛЬМОН: *Личное имя в русском языке*. В: Т.А. КАЗАКОВА: *Художественный перевод. Теория и практика*. Санкт-Петербург 2006; О. МАЛЫСА: *Способы передачи антропонимов в польских переводах текстов Виктора Пелевина*. В: *Русский язык и культура в зеркале перевода*. Москва 2008.

теризующей функции».² По словам Ольги Г. Ревзиной, «референт имени собственного в таком случае выступает как совокупность свойств», благодаря чему эти слова обладают способностью уникального воздействия на адресата³. Их соотнесение с общеизвестными мотивами, ситуациями, образами отмечается в настоящее время не только в пределах судьбоносных событий или литературного канона, но и культовых фильмов, популярных песен, рекламных роликов, граффити, интернет-сайтов и т.д. По словам Артура Рейтера, имена, связанные с традициями культуры, коннотируют разнообразные смыслы, несут не только семантический, но и текстообразующий заряд, вступая в разные отношения и структурируя высшие уровни коммуникации⁴. Кроме того, вступая в своеобразный диалог с иными наименованиями и приобретая полифоническое звучание, прецедентные имена часто выступают как элементы тропов и стилистических фигур. Они являются также сигналами игрового начала, особенно если речь идет о пост-модернистских произведениях.

Наряду с прецедентными ситуациями, текстами и высказываниями имена такого рода входят в состав прецедентных феноменов, которые, согласно Виктории В. Красных, понимаются как феномены сознания, поведения и культуры, что позволяет учитывать как вербальные, так и невербальные единицы⁵. С точки зрения обобщенности когнитивного охвата они подразделяются на социумные, национальные и универсальные. Социумные воспроизводятся в речи людей, объединенных вероисповеданием, профессией, хобби и др. Национальные входят в познавательную базу представителей определенного лингвокультурного сообщества, а универсальные известны любому среднестатистическому человеку нашей цивилизации независимо от его социальной и национальной принадлежности⁶.

Все эти виды наименований в той или иной степени находят свое отражение и в художественных текстах. Здесь подробнее рассмотрим, каким образом передаются на польский язык универсальные и национальные имена как реальных лиц, так и фикциональных героев.

² О.Г. РЕВЗИНА: *Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта*. Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва 1998, с. 60.

³ Там же.

⁴ A. REJTER: *Nazwa własna wobec gatunku i dyskursu*. Katowice 2016, s. 38.

⁵ Понятие *прецедентные феномены* соотносится с введенным Ю.Н. Карауловым понятием *прецедентный текст*, рассматриваемом в широком плане и таким образом включающим цитаты, имена персонажей, названия произведений и их авторов. См. Ю.Н. КАРАУЛОВ: *Русский язык и языковая личность*. Москва 1987. В.В. Красных рассматривает текст в более узком смысле, что позволяет выделить его в отдельную группу прецедентных феноменов.

⁶ В.В. КРАСНЫХ: *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций*. Москва 2002, с. 50–51.

Среди примеров универсальных прецедентных имен в исследованиях, посвященных этому вопросу, чаще всего приводятся имена Гамлета и Наполеона. Они же послужат иллюстрацией и наших размышлений.

Имя Гамлета стало нарицательным для человека, всегда сомневающегося во всем, погруженного в размышления, неспособного к решительным действиям. В русском языке фиксируется также прецедентность именования Гамлета как принца Датского (ср. название пьесы Шекспира: *The Tragical Historie of Hamlet, Prince of Denmarke* и его перевод: *Гамлет, принц Датский*). Апелляция к нему свойственна прежде всего разговорной речи, ср. реплики типа *Сам себе суп налей, а то сидишь, как принц датский* или анекдот: *В Одесском горсуде идет бракоразводный процесс. Муж: – Моя жена не устраивает меня как женщина. Теща: – Подумаешь, принц Датский! Всю Одессу устраивает, а его – нет!* В таких случаях на первый план выдвигается значение имени шекспировского героя как практически ничем не занятого, сосредоточенного на себе самом человека, а наряду с этим требующего или ожидающего от других удовлетворения своих потребностей. Таким образом, коннотативное поле имени расширяется стереотипными представлениями о монарших особах в наивной картине мира. Именно к этому отсылает следующий фрагмент из романа Бориса Акунина *Декоратор*, где принадлежность номинации к категории собственных имен акцентируется ее написанием с прописной буквы:

*Пускай Принцу Датскому, существу праздному и блазироваанному, до человека дела нет, а мне есть!*⁷

В польских переводах заглавия трагедии Шекспира включают различные формулировки: это чаще всего *królewicz duński*, но также *książę duński*, *książe Danii*, причем ни одна из них не функционирует в языковом сознании поляков исключительно как обозначение Гамлета – это может быть любой принц Королевства Дании. В связи с этим в переводе вышеприведенного фрагмента вводится дейктическое местоимение *ten*, которое в сочетании с характеристикой *zblazowany próżniak* акцентирует идентичность датского принца именно с Гамлетом:

*I niech sobie duński książę, ten zblazowany próżniak, lekceważy człowieka – ja wiem swoje!*⁸

⁷ Б. АКУНИН: *Декоратор*. <http://www.akunin.ru/knigi/fandorin/erast/dekurator/> [доступ: 15.10.2016].

⁸ Б. АКУНИН: *Декоратор*. Z rosyjskiego przełożyła Małgorzata Buchalik. Akunin.boris-przygodyerastafandorina 2006-dekurator.pdf [доступ: 15.10.2016].

Однако, несмотря на восстановление универсальности и равнозначности имен в денотативном смысле, наблюдаются расхождения в плане коннотаций, так как экспрессивный характер самого обозначения *Принц Датский* отмечается только в русскоязычной среде, в которой оно приобретает иронический или вовсе пренебрежительный оттенок.

В свою очередь, исторические контексты проецируют некоторое различие хранимых в национальной памяти разных народов инвариантов восприятия одних и тех же лиц. Так, общим знаменателем для перцепции личности Наполеона Бонапарта и в польской, и в русской лингвокультуре является его оценка как прославленного полководца и великого завоевателя. Вместе с тем его имя в представлении поляков, в свое время связывающих с Наполеоном надежды на восстановление государственности, символизирует романтические идеи и свободу. У русских указание на этого французского императора вызывает образ не только победителя, но также самовластного тирана и неприятеля, горделивого и высокомерного человека⁹. Специфика последнего заметна в сопоставлении одной из героинь романа Акунина *Азazel* с Бонапартом:

[...] *Представь картину. Впереди сушим Бонапартом Амалия в карете, на козлах два крепких молодца. Следом в дрожжах покойник. Потом в коляске двое лакеев. А поодаль во мраке ночи я на своей буланке, словно Денис Давыдов – только четыре полотенца туда-сюда ходят*¹⁰.

Прецедентность имени императора подчеркивается здесь прилагательным *суший*, используемого в повседневном общении в значении ‘истинный, подлинный, самый настоящий’. Учитывая принадлежность сравниваемой с Наполеоном героини к террористической организации, «настоящий» скорее всего подразумевает такие качества обозначаемого лица, как власть, самоуверенность, неистовость, стремление подчинить себе весь мир.

В то же время используемое в польском переводе слово *istny* – ‘przymiotnik podkreślający, że rzecz lub osoba, o których mowa, w pełni zasługują na nazwanie rzeczownikiem, który określają’ – определяет Бонапарта согласно его положительной культурной обусловленности в польском социуме. Однако переводчик сигнализирует вторичному адресату некую инаковость образа Наполеона, прибегая к своеобразному приему компенсации: в качестве контекстуального эквивалента для поэтического слова *молодец* (‘сильный и смелый молодой герой, храбрец, удалец’) он вводит противоположное ему по значению и стилистической окраске слово *lobuz* (‘człowiek podły i brutalny; urwis, psotnik’):

⁹ Н. Г. Брагина: *Память в языке и культуре*. Москва 2007, с. 178.

¹⁰ Б. Акунин: *Азazel*. <http://www.akunin.ru/knigi/fandorin/erast/azazel/> [доступ: 18.10.2016].

Wyobraź sobie coś takiego. Z przodu, w karecie, Amalia jako istny Bonaparte, na koźle dwa tegie łobuzy. Za nimi nieboszczyk dorożkę. Potem dwaj lokaje w kolasce. A w dali, pod osłoną nocy – jedzie, jedzie na bulance hrabia Zurow – cztery ręczniki chodzą tam i nazad¹¹.

Вышеуказанный отрывок интересен и тем, что в нем появляется также одно из национально-прецедентных имен, которые, безусловно, представляют для переводчиков большую сложность. В оригинале говорящий, граф Зуров, сравнивает себя с Денисом Давыдовым – знаменитым гусаром, поэтому, одним из командиров партизанского движения во время войны с наполеоновскими войсками в России. О нем пишут, что он «был храбр, безрассуден и немисливо везуч на поле боя, поражал обаянием и остроумием... Человек-символ 1812 года»¹². Его имя стало олицетворением гусарского облика, и не случайно один из толстовских героев *Войны и мира*, Василий Денисов, в фамилии которого содержится аллюзия на знаменитого партизана, даже внешне похож на него.

В романе Акунина имена *Бонапарт* и *Денис Давыдов* вступают в антонимические отношения как обозначения внешнего врага и защитника Отечества, а также как физически не совсем привлекательного человека и красавца-мужчины. Перевод не содержит второго компаративного элемента, но благодаря синтаксической конструкции с инверсией и повторением – *jedzie, jedzie na bulance hrabia Zurow* – передается поэтическая тональность высказывания и его динамизм, а сам граф Зуров приобретает ореол сказочного героя-освободителя. Эту замену функциональным аналогом можно считать полностью оправданной, так как переводчику удалось достичь прагматическое воздействие, сходное с замыслом автора.

Не вызывает, казалось бы, необходимости в переводческой трансформации фамилия другого русского поэта – Пушкина. Действительно, его знают в Польше, хотя, конечно, он не ассоциируется со стереотипом гения, как в русской культуре. Но имя *Пушкин* в обиходном варианте русского языка – это еще и ‘человек, знающий все’ (к примеру: *А я что, Пушкин? А я откуда знаю?*), а также ‘неизвестно кто, бог знает, кто’. Соответственно, оно не имеет никакого отношения к творчеству поэта. Последнее значение в непривычном столкновении с идентифицирующим названием реальной личности обыгрывается в *Мастере и Маргарите* М. Булгакова:

Никанор Иванович до своего сна совершенно не знал поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по несколько раз произносил фразы вроде: А за квартиру Пушкин платить будет? Или лампочку на

¹¹ B. AKUNIN: *Azazel*. Przeł. J. CZECH. Warszawa 2007, с. 172.

¹² <http://oko-planet.su/history/historysng/225262-sto-russkih-polkovodcev-chast-16.html> [доступ: 16.10.2016].

*лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил? Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?*¹³

Конечно, это только один из примеров, когда каламбурность ситуации, экспрессивность номинативных единиц, тонкий иронический смысл становятся у Булгакова средством сатирического высмеивания действительности и концептуального выражения информации: символичность имени *Пушкин* как известного всем россиянам концепта позволяет проиллюстрировать стереотип ограниченного советского управдома, взяточника и мошенника.

В польских переводах романа Булгакова – в самом известном и устойчивом в культуре, авторами которого являются Ирена Левандовская и Витольд Домбровский; в принадлежащем перу Анджея Дравича; в одном из новейших, выполненном Пшебиндами, в качестве эквивалента для этих двух совпадающих фамилий тоже приводится только одна форма, *Puszkina*¹⁴. Напомним фрагмент только первого из перечисленных переводов:

Nikanor Iwanowicz przed tym swoim snem absolutnie nie znał utworów poety Puszkina, samego jednak Puszkina znał doskonale i codziennie po kilkakroć wygłaszał zdania w rodzaju „A za mieszkanie to Puszkina będzie płacił?” albo „Żarówkę na schodach, znaczy się, Puszkina wykręcił?”, „Mazut, znaczy się, Puszkina będzie kupował?”

В связи с этим у вторичного рецептора могут возникнуть трудности с декодированием несовпадения действительного референта с вымышленным, а сама ситуация может вызвать недоумение. В сфере прагматической потенциальности коммуникативный эффект оставался бы в случае использования наименований божественной ипостаси (ср. *A może robi to Duch Święty?*) или сказочных существ – гномиков, которые выступают в польском языке в подобных контекстах повседневной жизни, ср.: *Co, myślisz, że krasnoludki tu będą sprzątać? Zmyj naczynia, bo krasnoludki tego za ciebie nie zrobią.*

Информационно-культурные затруднения, вызванные использованием в текстах символических и аллюзивных антропонимов как средства выразительности и языковой игры, наблюдаются также при переводе имен самих персонажей из сказок. Такие имена выполняют номинативную функцию, включают культурно-национальные коннотации и выстраивают определенные ассоциативные образы у первичных адресатов. К примеру, в рус-

¹³ М. БУЛГАКОВ: *Мастер и Маргарита*. Москва 2003, с. 333–334.

¹⁴ М. BUŁHAKOW: *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. I. LEWANDOWSKA, W. DĄBROWSKI. Warszawa 1988, s. 212; М. BUŁHAKOW: *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. A. DRAWICZ. Poznań 2012, s. 246; М. BUŁHAKOW: *Mistrz i Małgorzata*. Przeł. L.A. PRZEBINDA, G. PRZEBINDA, I. PRZEBINDA. Kraków 2016, с. 189.

ской среде имя *Гвидон* из сказки Пушкина вызывает в памяти превращение героя в насекомых для того, чтобы незамеченным попасть в хоромы своего отца, царя Салтана, который не знает, что сын жив. Этот мотив реконструируется в романе *Весь мир театр* Б. Акунина:

*В-четвертых, театр охранялся так, что никакой Гвидон туда не проник бы даже под видом комара.*¹⁵

Объем имплицитной информации, передаваемой именами сказочных героев и очевидной для носителей культуры исходного языка, у получателей перевода чаще всего оказывается гораздо меньший¹⁶. В польском тексте имя приводится в транслитерации, закреплённой в трех переводах сказки Пушкина. Его сопровождение примечанием не выясняет контекста употребления, поскольку дает только указания на источник, не восстанавливая при этом представлений о метаморфозах Гвидона:

Po czwarte, teatr był strzeżony do tego stopnia, że żaden Gwidon nie dostałby się tam nawet pod postacią komara.*

[Przypis] Gwidon Saltanowicz – syn tytułowego cara z bajki Puszkina, której tytuł brzmi: *Bajka o carze Saltanie, o jego synu, sławnym i potężnym bohaterze, księciu Gwidonie Saltanowiczu i o pięknej księżniczce Łabędzicy.*¹⁷

Еще более закрытыми для читателей перевода могут оставаться функционирующие в кругу русской культуры популярные вымышленные имена из других известных текстов для детей, которые передаются ономастическим соответствием. К примеру, имя *Буратино* из сказки Алексея Толстого, упоминаемое Виктором Пелевиным в *Священной книге оборотня*, транслитерируется как *Buratino*. Для польского читателя наиболее очевидным бы было имя деревянной куклы *Pinokio*. В отличие от *Buratino*, герой сказки Карло Коллоди является для него знаковым и благодаря этому способным аннулировать культурную дистанцию¹⁸.

¹⁵ Б. Акунин: *Весь мир театр*. http://www.kharkivosvita.net.ua/files/Akunin_Ves_mir_tea_tr.pdf [доступ: 17.10.2016].

¹⁶ Т.А. Казакова: *Художественный перевод...*, с. 123.

¹⁷ В. АКУНИН: *Świat jest teatrem*. Przeł. О. MORAŃSKA. Warszawa 2012, с. 12.

¹⁸ В свою очередь, как указывает В.В. Красных, если бы в тексте встретилась аллюзия на *Волшебника страны Оз* Лаймена Фрэнка Баума через упоминание Дороти, логично было бы перевести имя как Элли, вызывая у русского читателя ассоциацию с известным пересказом книги американского писателя – *Волшебником Изумрудного города* Александра Волкова. См.: В.В. КРАСНЫХ: «Свой» среди «чужих»: Миф или реальность? Москва 2003, с. 174. Добавим, что в польской среде потребовалось бы привести имя Dorota – так зовут героиню в переводе произведения Баума.

В некоторых случаях, прежде всего, если речь идет о прозвищах и кличках, наблюдается перевод, опирающийся на словарные эквиваленты лексических единиц, которые составляют основу имен¹⁹, в том числе родом из сказок. Например, одного из героев *Пелагии и красного петуха* Б. Акунина зовут *Колобок*. Это наименование, восходящее к канону русского фольклора и намекающее на внешний вид, обосновывается в романе следующим образом:

*Прозвище у Колобка такое, потому что он маленький, ловкий, шагает мелко, пружинно, будто катится.*²⁰

В переводном тексте оно передано как *Bochniaczek*²¹, что отражает форму, так как по-польски *bochen* – это хлеб, в том числе круглый. Однако в польских переводах русской сказки героя зовут *Bochenek* либо *Chlebek*, а иногда в транслитерации *Kolobok*. В результате корреляция словарных значений, на которых базируются имена в оригинале и переводе, оказывается недостаточной из-за несовместимости сложных знаковых функций, свойственных художественному произведению. При обращении к знаковому имени в памяти первичного адресата актуализируется весь прецедентный текст, в то время как получатель транслята текста Акунина окончательно утрачивает способность уловить некоторые намеки, проецируемые интертекстуальными связями (среди прочего обреченность Колобка).

Там, где это возможно, переводчики прибегают к использованию функциональных аналогов, которые способны претерпевать семантические сдвиги, но в целом прагматико-стилистический пласт передается практически без потерь. Такая культурная адаптация прослеживается в переводе названия *Василиса Прекрасная* как *śpiąca królewna* в уже рассматриваемом нами романе *Декоратор* Б. Акунина:

Егор Виллемович пыхнул крепким табаком из трубки, любовно похлопал жуткую синюю бабицу по распоротому брюху. – А эту вот Василису Прекрасную и еще четверых я оставляю.

Jegor Willemowicz wypuścił kłęb gryzącego dymu i pieścizotliwie poklepał siną babę po rozprutemu brzuchu. – A tę śpiącą królewnę i pozostałe cztery sobie zostawię.

В русской разговорной речи *Василисой Прекрасной* могут назвать красавицу. В польской же выражение *śpiąca królewna* используется, когда шутливо отзываются о не совсем энергичной девушке либо говорят о женщи-

¹⁹ К. HEJWOWSKI: *Iluzje...*, с. 178.

²⁰ Б. АКУНИН: *Пелагия и красный петух*. Москва 2012, с. 17.

²¹ В. AKUNIN: *Pelagia i czerwony kogut*. Przeł. H. CHŁYSTOWSKI. Warszawa 2004.

не, которая считает, что все должны исполнять ее прихоти. Соотнесение с иными характерологическими планами этих имен персонажей однако сохраняет черный юмор, создающий высокий уровень экспрессивности высказывания как в оригинале, так и в переводе.

Остановимся здесь несколько подробнее на еще одном из типов национально-прецедентных имен, к которым относятся стереотипные наименования рядовых, неизвестных, произвольных либо заурядных жителей той или иной страны. Переносные значения у этой категории имен, называемых экzemплификантами (экземпликативами), образуются на основании следующих признаков: принадлежности к человеческому обществу, родовому и национально-языковому²². Так, усредненного русского человека называют именем *Иван* либо его уменьшительной формой *Ванька* (ср. выражение *русский Ванька*), часто с пренебрежительным оттенком. Эта форма служит и для обозначения представителей некоторых профессий либо должностей: раньше *ванькой* звали легкового извозчика на плохой лошади с бедной упряжью, обычно крестьянина, приехавшего в город на заработки²³, а номинации *Ванька-взводный* или *Ванька-ротный* выступают как собирательные имена офицеров, несущих бремя боевой подготовки в мирное время и не имеющих перспектив служебного роста. Как обобщенный образ русского встречается наименование *Иван Иванович / Иван Иванович Иванов*, а перечисление в одном ряду фамилий *Иванов, Петров, Сидоров* говорит о среднестатистическом жителе России. В польской культуре в таком качестве функционируют названия *Jan, Jan Kowalski, Jan Nowak, przeciętny Józek*, в англоязычной – имена Джон Смит (*John Smith*), Джо Блоггс (*Joe Bloggs*) в Великобритании, Австралии и Новой Зеландии или *average Joe*, Джон К. Паблик (*John Q. Public*), Джон Доу (*John Doe*) в США²⁴. Последнее имя, известное по англосаксонскому праву и официально присваиваемое людям, чья личность не установлена, в настоящее время применяют также массмедиа для называния анонимного, малозначимого лица.

Наряду с вышеприведенными появляются и новые антропонимические экземпликативы. К примеру, имя виртуального персонажа фольклора Рунета *Василий / Вася Пупкин* стало обозначением абстрактного, анонимного пользователя Сети, а впоследствии в нем олицетворился массовый российский интернет-пользователь. Соотнесение как с этим наиме-

²² Д.И. Ермолович: *Имена собственные на стыке языков и культур*. Москва 2001, с. 61.

²³ <https://ru.wiktionary.org/wiki/ванька> [доступ: 23.11.2016].

²⁴ Польский корреспондент в Америке М. Валкуски обращает внимание на тот интересный факт, что несмотря на наибольшее распространение в Америке фамилии *Smith*, для называния неизвестных лиц в американском судопроизводстве и в инструкциях заполнения разных бланков и документов используется номинация *John Doe*. См.: М. WALKUSKI: *Walkowanie Ameryki*. Gliwice 2012, с. 47. Попутно отметим, что и в России экземплификант *Иванов* не тождествен самой популярной фамилии, *Смирнов*.

нованием, так и с фамилией *Смит* встречается в фантастической повести Сергея Лукьяненко *Прозрачные витражи*:

– Предположим! – Подполковник готов идти мне навстречу. – Итак, кровожадный маньяк *Вася Пупкин* сумел сбежать из виртуальной тюрьмы.

*Бедный Василий Пупкин, автор учебника арифметики для церковно-приходских школ! Не знал он, как жестоко расправятся с ним измученные задачками про бассейны и поезда ученики. Сделают его имя нарицательным, похлеще любого мистера Смита.*²⁵

Безусловно, появление имени Василия Пупкина в книге, действие которой разыгрывается среди прочего в виртуальном мире, нельзя назвать случайным. Кроме того, оно вызывает здесь комический эффект благодаря не только его определению как кровожадного маньяка, но и столкновению с именуемым таким же образом автором учебника дореволюционных времен. В польском переводе это нарицательное имя транслитерируется, утрачивая при этом элементы языковой игры, характерной для исходного текста. Упоминание самой распространенной фамилии в США, *Смит*, в польском переводе генерализуется, приобретая «символическое» звучание:

*Załóżmy! – Pułkownik gotów jest wyjść mi naprzeciw. – Więc jak to było? Żądny krwi psychopata Wasia Pupkin zdołał zbiec z wirtualnego więzienia... Biedny Wasilij Pupkin, autor podręcznika do arytmetyki dla szkół parafialnych! Nie wiedział, jak okrutnie rozprawią się z nim uczniowie, udręczeni zadaniami o basenie i pociągach! Nie miał pojęcia, że jego imię stanie się czymś w rodzaju symbolu...*²⁶

В иноязычном тексте, художественном либо публицистическом, эти и другие антропонимические экземплификативы при определенных контекстуальных условиях могут заменяться на аналогичные, прецедентные для носителей языка перевода, к примеру *average / ordinary Joe – przeciętny Józek, John Smith – amerykański Kowalski*²⁷. В таких случаях обозначение типичного русского человека как *Иван*, среднестатистического *Иванов, Петров, Сидоров*, а анонимного пользователя Интернета *Вася Пупкин* для польского адресата целесообразно заменить на метонимы *Jan, Jan Kowalski* или *Jan Nowak*. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что существова-

²⁵ С. ЛУКЬЯНЕНКО: *Прозрачные витражи*. В: Его же. *Атомный сон*. Москва 2000. http://www.rusf.ru/lukian/books/prozrachnye_vitraji/prozrachnye_vitraji_0010.htm [доступ: 23.11.2016].

²⁶ S. ŁUKIANIENKO: *Przezroczyste witraże*. W: IDEM: *Atomowy sen*. Przek. E. SKÓRSKA. Warszawa 2004, с. 16.

²⁷ Примеры из M. WALKUSKI: *Walkowanie...*, с. 46–49.

ние таких параллелей не всегда оправдывает их использование в языке перевода.

В экземпликативной функции выступают и женские имена, к примеру, английский оним Джейн Доу (*Jane Doe*) или польский *Marysia*. Распространенным женским именем-экземплификантом в русском социуме является упрощение от полного имени и отчества Мария Ивановна – *Марьиванна* / *Марь Иванна* / *Марья Иванна*, которое обычно применяется по отношению к пожилой среднестатистической женщине в России, пенсионерке, а также к учительнице. Учительница именно с этим именем является одним из главных персонажей известного цикла анекдотов про Вовочку, что дополнительно влияет на социокультурные оттенки восприятия данного антропонима. Виктор Ерофеев в романе *Русская красавица* использует его в одном ряду с номинациями *московские знаменитости* и *мировые кинозвезды*, с помощью приема контраста иронизируя над своими героинями:

Зато как разбалуется, спасу нет! Смотрите, говорит, не мусульманка я, хотя татарскую кровь тоже имею, как все мы, грешные! И стоим мы с ней в лунной дорожке, по колено в Черном море, взявшись за руки, московские знаменитости, мировые кинозвезды, Марьи Ивановны, а солдатики-пограничники нас рассматривают, и штаны у них шевелятся от такой невидали.²⁸

Указанные выше параметры направляют поиски замещения русского названия именами *Marysia* или, возможно, *pani Pelagia*, персонажа серии польского кабаре „Теу”, со ссылкой на комическое изображение действительности. Предложенные же в польском переводе имена *Marie Joanny* не входят в область прецедентных феноменов, а в приведенном контексте скорее интенсифицируют положительный заряд, вызываемый предыдущими номинациями:

Za to jak się rozochoci, to nie ma siły! Patrzcie, nie muzułmankam, choć tatarska krew też we mnie płynie, jak w nas wszystkich, grzesznych! – Stoimy razem w księżycowej poświacie, po kolana w Morzu Czarnym, trzymając się za ręce, moskiewskie znakomitości, gwiazdy światowego kina, Marie Joanny, a wpatrzonym w nas żołnierzynom-wopistom spodnie się napinają na takie cuda-niewidy.²⁹

Подытоживая, отметим, что трансляция заданных авторами художественных текстов смыслов при их обращении к прецедентным именам требует от переводчика применения различных приемов и стратегий пред-

²⁸ В. ЕРОФЕЕВ: *Русская красавица*. Москва 2008, с. 93.

²⁹ W. JROFIEJEW: *Rosyjska piękność*. Warszawa 2004, с. 57.

ставления онима. Это может быть замена упоминаемого имени на аналогичное, прецедентное для носителей языка перевода либо иное, когда эквивалентность употребления онима устанавливается за счет контекста; перифрастический перевод; выяснение инокультурного фона в примечании. Выбор переводческого решения зависит от типа прецедентного имени, его значимости в контексте и степени освоенности в культуре языка перевода. Таким образом, передача на другой язык личных имен как культурных феноменов требует высокой лингвокультурологической компетенции переводчика и часто является специфическим способом отражения принципа релевантности, вытекающего из природы персоналий такого типа. Важным при этом становится умение переводчика не только учитывать объективно существующие в языке коннотативные значения, но и субъективно интерпретировать текст, извлекая из него определенные импликации.

Oksana Małysa

Apelatywne nazwy własne w aspekcie przekładu artystycznego

Streszczenie

W artykule rozpatrywane są zagadnienia związane z nazwami osób, mającymi charakter apelatywu. Posiadają one odniesienia do wydarzeń historycznych, znanych utworów literackich, popularnych motywów rzeczywistości internetowej itd. Wchodząc w zakres różnych wspólnot komunikacyjnych, stanowią one ważne elementy kulturowe. Jako przedmiot analizy posłużyły tego typu antroponimy, użyte w utworach współczesnych pisarzy rosyjskich oraz w przekładach tych tekstów na język polski.

Oksana Małysa

Appellative proper names in artistic translation

Summary

The article presents issues connected with people's names which are appellatives. They make reference to historical events, well-known literary works, popular motives from the Internet reality etc. Through entering the scope of various communication communities, they constitute important elements of culture. This type of antroponyms, used in the works of contemporary Russian writers and their translation into Polish, is a subject of the analysis presented in this article.